

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

К 25 октября в Киеве, как и в целом ряде других более или менее больших городов, Совет рабочих депутатов был завоеван нашей партией. Мы имели в нем большинство, и это целиком соответствовало настроениям киевского пролетариата; в Совете солдатских депутатов мы имели меньшинство, но фактически весь гарнизон был за нами, состав же солдатского Совета объяснялся тем, что он в течение нескольких месяцев до Октябрьской революции не переизбирался.

С момента созыва так называемого Демократического совещания и создания Предпарламента в Киеве пахло близкой революционной грозой; наша достаточно сильная в то время партийная организация вела в среде киевских рабочих и солдат усиленную идеиную подготовку к вооруженному восстанию. В нашей киевской организации по этому вопросу не было разногласий, о которых в то время В. И. Ленин писал в своем блестящем «Письме к товарищам»¹, у нас не было колебаний; когда фракция Демократического совещания постановила идти в Предпарламент, Киевская общегородская конференция огромным большинством осудила постановление фракции, ибо считала, что близок час, когда вопросы будут решаться на баррикадах, а не в залах питерских дворцов.

25 октября 1917 года до Киева донесся раскат грома пролетарской революции в Петрограде. Ток восстания прошел по телу киевского пролетариата, и 26-го вечером в помещении городского театра был создан Совет рабочих депутатов, который после страстных дебатов вынес резолюцию солидарности с восставшими питерскими рабочими². Врезалась мне в память на этом собрании речь Ружейникова, тогда члена исполкома Юго-Западного фронта, от имени которого он предостерегал нас от выступления, а в случае такового грозил расправой; помню, как после своей речи он, социал-демократ меньшевик (левый), говорил мне: «Если бы я хоть на одну минуту поверил в вашу, хотя бы временную, победу,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 398—418. Ред.

² Резолюция солидарности с петроградскими рабочими была принята 27 октября 1917 г. на объединенном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов с участием представителей воинских частей, фабзавкомов и профсоюзов. Ред.

я был бы с вами, но я глубоко убежден в вашем поражении, а потому предостерегаю вас от авантюры». С утра 27-го началась кипучая организационная работа в бывшем дворце, где находился наш уже большевистский исполком Совета рабочих депутатов и в известной большинству киевских товарищ комната № 9 комитет партии. В зад и вперед бегали рабочие и солдаты, устанавливались живая связь с фабриками, заводами и воинскими частями и в первую очередь с нашими крепостями — арсеналом и З-м авиапарком. Мы готовили выступление, но не дремали и наши враги — агенты Керенского и Центральной рады. Командующий Киевским военным округом, генерал, и Григорьев, помощник комиссара по Юго-Западному фронту от Временного правительства, опираясь на заседавший в Киеве казачий съезд, насчитывающий до 2000 человек¹, решили сами перейти против нас в наступление. Позиция же Центральной рады была выжидательной, она металась и колебалась, готова была отаться сильному, продать себя богатому, тому, кто больше даст. 27-го к вечеру юнкерские и казачьи отряды окружили дворец, отрезали нас от готовых к выступлению рабочих и солдат². Они полагали, что, сняв голову, предупредят выступление. Во дворце нас было мало: 14 товарищ — членов комитета партии и исполкома и 30—40 солдат.

От белогвардейского отряда к нам явилась делегация во главе с помощником комиссара Юго-Западного фронта Григорьевым, министром Центральной рады Ткаченко и председателем городской думы Дрелингом. Они предложили нам покинуть дворец, гарантируя полную неприкосновенность. После двадцатиминутного совещания мы решили согласиться, ибо иного выхода не было, мы были окружены силами раз в 10 большими, и о сколько-нибудь продолжительном с нашей стороны сопротивлении не могло быть и речи. Спустя некоторое время во дворец ворвались юнкера и казаки, стали свирепо рыскать по дворцу; они искали большевистскую литературу и оружие. Нас арестовали и повели из комнаты № 9 наверх в помещение исполкома; здесь помещичье-генеральская контрреволюция, скрывавшаяся за ширмой керенщины, показала свое лицо. Когда казаки осыпали нас площадной бранью, приставляли к груди штыки, требовали нашего расстрела, «демократическая» делегация пыталась вмешаться, пыталась говорить именем Временного правительства, но все было напрасно, я помню вой казаков — «довольно нам Керенского, мы все за Корнилова», и делегация вся съежилась и замолкла. Арестованными, под конвоем, нас повели из дворца в штаб командующего по Банковской улице³, поместили нас в одной комнате на соломе

¹ Всероссийский общеказачий съезд был создан Временным правительством 21 октября в Киеве и продолжал свою работу до 31 октября 1917 г. На съезде присутствовало около 600 делегатов. Ред.

² Юнкера и казаки окружили дворец в ночь с 28 на 29 октября 1917 г. Ред.

³ Ныне ул. Орджоникидзе. Ред.

на полу и поставили сильный караул из юнкеров в соседней комнате, а у нас в комнате двух часовых.

Тягостно длино тянулась ночь и весь следующий день. Нас оторвали от готовых восстать рабочих и солдат, нас посадили под арест. Но к вечеру 28-го к нам стала доноситься ружейная, пулеметная и артиллерийская пальба¹: то брались за оружие арсенальцы, товарищи из 3-го авиапарка, артдивизионы, расположенные за Днепром, и перешедший на сторону восставших против воли Центральной рады 1-й Украинский полк. Оставшиеся на свободе товарищи быстро создали руководящий восстанием центр и повели в бой рабочие и солдатские отряды, они на деле показали белогвардейцам, что мало снять голову, что нельзя этим остановить революцию. 29-го прибыли в Киев снятые с фронта для борьбы с большевиками чехословацкие части.

Комиссар Юго-Западного фронта от Временного правительства социал-демократ Кириенко приветствовал их, выстроившихся против здания округа, и до нас доносилась его горячая речь, призывающая бить большевиков, защищать Временное правительство. А перестрелка в городе все усиливалась, мы же сидели отрезанные от всего мира, никто из нас не боялся смерти, хотя она и была близка, мы все думали и говорили о восстании в Петрограде, о борьбе на улицах Киева; каждый из нас думал только об одном: как бы вырваться к восставшим, как бы встать в их ряды. Часто сменявшиеся караульные все пытались уверить нас, что в Питере все ликвидировано, но мы верили в силу Октябрьской революции, в силы ее бойцов, а пулеметный треск нашу веру укреплял. Три дня провели мы под арестом, три дня на улицах Киева шел баррикадный бой, арсенальцы создали великолепные баррикады по Московской и Александровской улицам, 3-й авиапарк дал своих бойцов, в арсенале был создан штаб, установлена связь со всеми воинскими частями, и казаки, юнкера и чехословацкие части оказались слабее рабочей революции; на третий день к вечеру неожиданно для нас, арестованных, явился к нам командующий округом, генерал, в сопровождении парламентера от арсенальцев².

Из нескольких кратких слов арсенальца мы узнали радостную весть — восставшие побеждают, и его прислали сюда в штаб с предложением обменять нас, 14, на 400 юнкеров и казаков, содержавшихся под арестом в арсенале.

Через час нам предложено было собраться и под конвоем сербского отряда идти к углу Александровской и Левашевской, где нас должна была ждать рабочая делегация; когда нас проводили из комнаты, а затем по Банковской улице, мы слышали сплошной звериный вой офицерско-юнкерской шайки, они в бессильной злобе готовы были броситься на нас, растерзать

¹ Восстание началось вечером 29, а не 28 октября. Ред.

² Этим парламентером был А. В. Иванов. Ред.

на куски, им не хотелось выпустить большевиков, но дисциплинированный сербский отряд не допускал их к нам, он выполнял приказ командующего округом. На углу Левашевской и Александровской арестованных юнкеров не оказалось, но под наше честное слово, что юнкера будут освобождены, мы были отпущены.

Сразу, свободные, мы бросились во дворец, там заседал уже Совет победившего киевского пролетариата. Из дворца мы направились в штаб восстания, находившийся в арсенале, и помню я путь из дворца в арсенал — всюду рабочие патрули, баррикады, чувствуешь могучее дыхание пролетарской революции, чувствуешь в каждом бойце веру в рабочее дело и в рабочую победу. Прибыли в арсенал, и здесь стало ясно, почему мы разбили белогвардейцев; здесь все кипело, все работало; рабочие, работницы и солдаты — все горели энтузиазмом, все горело ненавистью к буржуазному миру. Помню, как один из арсенальцев мне говорил: «Сегодня в 1 час ночи мы решили бить по штабу на Банковской улице, до сегодняшнего дня мы этого не делали из-за вас, 14-ти, а сегодня решили, что для революции придется вами пожертвовать и разгромить артиллерией белогвардейский штаб». Это заявление врезалось мне в память, ибо оно говорило и говорит о высокой сознательности киевского пролетариата в Октябрьские дни. Мы в эту ночь узнали, что Центральная рада, убедившись в нашей силе, качнулась в нашу сторону, стала с нами заигрывать. Но на следующий день белогвардейские части при содействии той же Центральной рады стали уходить на Дон. Киев стал советским городом, но недолго, столкновение с Центральной радой было неминуемо. Я здесь ставлю точку, поскольку хотел остановиться только на моменте вооруженной октябрьской борьбы. Киевский пролетариат в эти дни выполнил свой долг перед революцией, он честно сражался за Советскую власть и честно за нее умирал. Могила красных бойцов против бывшего дворца об этом говорит современникам и будет говорить грядущим поколениям коммунаров. Киевский пролетариат и в январе 1918 года ручьями крови оросил улицы Киева в борьбе с Центральной радой и похоронил сотни бойцов, но сегодня... мы поем вечную память и славу бойцам Октября.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. М., 1958, с. 277—281